

УДК 165.172

АКСИОЛОГИЯ Н.О. ЛОССКОГО В КОНТЕКСТЕ РАЗЛИЧЕНИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ И НЕКЛАССИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Я.В. Кушнаренко
Новосибирск, Россия

Понятие «ценности» появилось практически одновременно с возникновением новоевропейской науки. Несмотря на общеизвестное противопоставление понятий «ценность» и «объективная истина», целесообразно указать на наличие их общего смыслового корня. Хотя наука предполагает идеал «ценностно нейтрального» исследования, понятие «ценность» не есть нечто противопоставленное истине науки (и тем более не есть концептуальная фиксация оппозиции субъективности объективным законам), но именно компенсация дуалистической субъект-объектной структуры, на которой базируется сама возможность науки. Таким образом, понятия «объективной истины» и «ценности» изначально находятся на разных уровнях эпистемологического анализа. Поэтому бессмысленно спорить о том, является ли истина ценностью или нет: ценность есть основание бытия истины и необходимое условие её объективно-истинного содержания. То, что утверждается в теории в виде объективно-истинного содержания – лишь возможная действительность. Только в акте признания и утверждения этого содержания, когда мы понимаем и тем самым испытываем ценность понимания, объективно-истинное содержание обретает основание своего бытия.

Понятие «ценность» есть первичная тематизация того аспекта акта трансцендирования, который выражает человеческое осуществление этого акта, своеобразную ангажированность человека в дело порождения порядка в мире. «Ценность» представляет собой теоретическую экспликацию субъекта, вводимого в рамках классической рациональности (экспликацию в смысле расширения понятия трансцендентального субъекта, помещения его обратно в тот контекст, от которого оно было отвлечено). В этом смысле понятие «ценность» есть тематизация онтологических оснований самой субъект-объектной идеализации. Фиксируя основания классической субъект-объектной дихотомии, понятие «ценность» фактически очерчивает область действия классической рациональности и границы применимости её принципов. Именно этим объясняется принципиальное «ускользание» понятия «ценность» от классических определений.

Однако, несмотря на вышеуказанные соображения, трактовка ценности в рамках субъект-объектной дихотомии является широко распространённой. Варианты субъект-объектного подхода к ценности могут быть классифицированы следующим образом:

1. Ценность – качество объекта.
2. Ценность – аспект субъекта: а) ценность – аспект психологического субъекта; б) ценность – аспект трансцендентального субъекта; в) ценность – аспект социального субъекта.
3. Ценность – отношение: а) ценность как отношение между субъектом и объектом; б) ценность как отношение между субъектами.

Какую же теоретическую позицию занимает Н.О. Лосский? У Н.О. Лосского можно увидеть определённое колебание между классическим и некласси-

ческим пониманием ценности. Неклассическая аксиология эксплицирует ценность именно в качестве состояния понимания, и в этом смысле неклассическая рациональность – расширенная рациональность в силу достижения формальной полноты картины жизни сознания. Достижение «полноты» означает тематизацию не только результатов акта трансцендирования (опыта бытия), но и «живого» участия человека в этом акте, а, следовательно, концептуализацию аспектов акта трансцендирования в плане его событийности.

Н. Лосский определяет ценность как бытие в его значении для приближения или удаления от Бога или божественной полноты бытия. На наш взгляд, верно ухваченная суть дела здесь буквально «смазывается» термином «значение», поскольку «значить» могут и результаты бытийствования. И хотя сам Лосский указывает, что ценность не определима «обычным образом, т.е. через указание ближайшего рода и видового признака» [1, с. 24], в его концепции ценность максимально приближена к значению. Но ведь не всякая значимость есть ценность. Тем самым, определяя ценность через значение, мы определяем её через что-то привходящее по отношению к её сущности.

Термины «удаление» и «приближение» здесь тоже не совсем удачны, поскольку Лосский, пытаясь ухватить качественное различие между добром и злом, не учитывает разный уровень их существования; разнородность сводится у него к разности направлений одного уровня. Но бытие и небытие не являются различными направленностями просто потому, что само различие бытия и небытия возможно только с позиции бытия, а не с какой-то заданной «третьей» точки вселенского наблюдателя. Небытия нет (Парменид) в смысле отсутствия соответствующей точки понимания. Изнутри небытия подумать и высказать что-либо невозможно.

Н. О. Лосский совершенно верно указывает на необходимую взаимосвязь бытия и ценности: «Любое содержание бытия есть положительная или отрицательная ценность не в каком-либо своём отдельном качестве, а насквозь всем своим бытийственным содержанием. Например, восхитительный чистый голубой цвет спектра есть ценность не только в своей восхитительности, но в самой своей голубости. Это наблюдение наводит на мысль, что само бытие, само *esse* есть не только бытие, но и ценность» [1, с. 26]. Но неразличение Лосским бытия и сущего заставляет его сделать следующий вывод: «Бытие может быть только добротным или недобротным, но не может быть индифферентным» [1, с. 33]. Однако в нашей трактовке бытие есть благо (добро) по определению, сущее же, будучи первичным, или превращённым, или искажённым выражением акта бытия, в зависимости от своего вида вполне может играть роль индифферентного. Например, поступок «сообразный долгу» в отличие от «поступка из чувства долга» (терминология И. Канта), хотя и не представляет собой опыта бытия, опыта переживания ценности, тем не менее не может квалифицироваться в качестве анти-ценности.

Смешение классического и неклассического подходов к ценности обнаруживается и в определении Лосским человеческой личности: «субстанциональный деятель как сверхвременный и сверхпространственный источник действований есть сполна идеальная ценность» [1, с. 62]. Тем самым Н. О. Лосский придерживается классической идеи, предполагающей укоренённость ценности в «готовой» структуре сознания, отвлечённой от акта структурирования. С другой стороны, он утверждает присутствие ценности в акте бытийствования: «ценность есть бытие в его самопереживаемом или в переживаемом другими существами значении для осуществления абсолютной полноты жизни или удалении от неё» [1, с. 63-64]. Налицо одновременное отнесение ценности и к трансцен-

дентальному сознанию, и к бытию человека. Лосский не разделяет бытие и сознание, поэтому относит ценность не только к акту трансцендирования, но и к его результату, представляющемуся в виде «ценной вещи». Сам Лосский указывает, что «различение блага и ценности, ... чтобы мыслить бытие как носителя ценности и самую ценность, не имеет существенного значения для развиваемого мною учения» [1, с. 63]. Но это оказывается оправданным только если перед нами опыт бытия, где объект и субъект совпадают, т.е. где нет интервала между добром и человеком, совершающим добро. В противном случае носитель ценности и сама ценность не одно и то же.

Носитель ценности не всегда выступает в качестве «отдающего должное» («аксио» в переводе с греческого – «отдавать должное»). Что же значит «отдавать должное»? «Отдавать должное» нужно понимать как уподобление тому свету, который действует во мне; уподобление как раз и будет означать его сохранение и удержание. Сходным образом толкует термин «аксио» и М. Хайдеггер: «Отдавать должное» значит: выявить нечто в той видимости (Ansehen), в которой оно находится, и сохранить его в ней» [2, с. 41]. Следует напомнить, что современное слово «аксиология» имеет в качестве корня греческое «аксио».

Список литературы

1. Лосский Н.О. Ценность и бытие. – Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. – 861 с.
2. Хайдеггер М. Положение об основании. – СПб.: Лаб. метафиз. исслед. при филос. фак. – СПбГУ: Алетейя, 1999. – 289 с.

УДК 304.3

СОДЕРЖАНИЕ КАТЕГОРИИ ХОЗЯЙСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ С.Н. БУЛГАКОВА*

Е.С. Александрова
Запорожье, Украина

В качестве исходного, родового понятия, которое С.Н. Булгаков подводит под определение хозяйства, выступает понятие жизни. Однако жизнь получает в «Философии хозяйства» свое определение через противопоставление ее неживому, вещному началу в бытии, неорганической природе, которое видится С.Н. Булгакову чем-то неполноценным, ущербным. «Вещи, так называемая мертвая природа, то есть все то, в чем по-видимому отсутствуют признаки жизни, есть только минус жизни, отрицательный ее коэффициент, но вне этого, хотя и отрицательного, однако выраженного в терминах жизни, определения они превращаются в призраки, улетучиваются» [1, с. 81].

Приближаясь к определению хозяйства, С.Н. Булгаков ощущает, что само появление хозяйства есть ни что иное, как следствие умаления человеческой свободы, что проявляется в усилении «зависимости человека от среды, от удовлетворения своих низших, животных, или так называемых материальных потребностей, без которого уничтожается жизнь» [1, с. 83].